

Рецензии на немецкое издание
«Современных социологических теорий» П.А. Сорокина

№ 2
Л. фон Визе

**Сорокин П. Социологические теории в XIX и XX вв.
Deutsche Bearbeitung von Dr. Hans Kasspohl, München 1931,
C. H. Beck. VII und 342 S.***

Когда я два года назад подробно рецензировал англоязычный оригинал этой немецкой обработки «Современных социологических теорий (Contemporary Sociological Theories)» Сорокина в первом номере восьмого тома данного журнала (стр. 109 и далее), я некоторое время колебался, должен ли я столь же живо выражать несогласие с высказываниями автора о «социологических школах», как я его переживал, либо оставить его на заднем плане моего уважения общего результата работы русского (теперь американского) исследователя. Моим стремлением тогда (как и сейчас) было сделать все от меня зависящее, чтобы собрать и поддержать творческие силы нашей науки, легко доступной дешевым губительным нападкам, а не рознить и противопоставлять их. Было ясно, что придется идти на жертвы ради максимальной солидарности научной отрасли, что в конечном итоге обеспечивает успех дела, а защиту своей позиции из эгоизма научной школы следует пока отложить. Тогда во мне победило желание отметить в работе Сорокина то, что заслуживает одобрения, а ошибочное, не игнорируя, оставить на втором плане. Незадолго до этого во втором томе своей «Общей социологии» (стр. 26 и далее) я также разобрался с ложными обвинениями со стороны Сорокина, которые он выдвинул против (предположительной, на самом деле не существующей) «формальной школы», объективно ответив на каждый из пяти пунктов его критики, пусть кратко, но вполне ясно. Я полагал в рецензии книги в том номере журнала ограничиться этими замечаниями, а в остальном подробнее изложить представления Сорокина о других «школах».

Тогда речь прежде всего шла об американском учебнике для американского университетского образования. Рецензент должен был учитывать его назначение

* Перевод текста рецензии с немецкого и английского на русский язык и комментарии Н.А. Головина выполнены при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451 по изданию: *Wiese von L. Sorokin P. Soziologischen Theorien im 19. und 20. Jahrhundert / Deutsche Bearbeitung von H. Kasspohl. München: Beck, 1931: Rezension // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1931. Jg. 9. H. 4. S. – Pp. 540–546. Подстрочные сноски, примечания и комментарии принадлежат переводчику (Головин Н.А.), за исключением оговоренных.*

The translation of this text of the review from German and English into Russian and its comments by N.A. Golovin was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00451, as published in the edition: [*Wiese von L. Sorokin P. Soziologischen Theorien im 19. und 20. Jahrhundert / Deutsche Bearbeitung von H. Kasspohl. München: Beck, 1931: Rezension // Kölner Viertelsjahrshefte für Soziologie. 1931. Jg. 9. H. 4. S. – Pp. 540–546*]. Footnotes, notes and comments are of the translator (Golovin N.A.), except as specified.

и соотносить с ним свои оценки. Я написал Сорокину: «При отграничивании нашей науки, по поводу чего мы придерживаемся разных мнений, нельзя, как мне кажется, упускать из виду, что мы вкладываем в слово “социология” понятия разного объема. В Германии наряду с социологией есть много других социальных наук, так что Ваша озабоченность тем, что определенные проблемы, на важность которых Вы справедливо могли бы указать, окажутся незамеченными, не оправдана. В Америке социологию понимают, собственно говоря, как чисто социальную науку. Вполне может быть, что наше разногласие можно почти полностью свести к различию в употреблении термина»*. Сорокин ответил: «You may be right that in view of mixing sociology with other sciences in Germany it is appropriate to delineate its field more sharply there**». Сорокин под названием «Социология» представил скорее обзор истории теоретических основ социальных наук, что для американских условий могло быть уместным.

Однако осталась обеспокоенность: какой получится немецкая обработка, которая уже была заявлена в предисловии?*** Поэтому тогда я завершил свою рецензию обдуманно и (как я постараюсь показать) достойным внимания абзацем: «Однако, как сказано, несмотря ни на что остается почти “чудом”, что один-единственный автор смог столь многомерно на менее, чем 800 страницах в формате в 1/8 долю печатного листа отобразить современную мировую литературу, посвященную человеческому обществу (включая обширные исторические введения). Более строгая методология потребовала бы от автора отказаться от такой задачи как неразрешимой. Но так как такие обзоры необходимы, приходится считаться с их некоторыми слабостями. Правда, эта книга может – нельзя умалчивать об этом – стать опасной и вести вместо прогресса к новым заблуждениям. Она слишком снисходительна и благосклонна к точкам зрения в нашей науке, не способствующим пониманию сущности межчеловеческого общения, и слишком строга и несправедлива в отношении “социологизма”. Если состоится заявленное в предисловии германское издание, я бы рекомендовал учесть критические замечания, которые мне показалось необходимым сделать»****.

Что происходит? Появляется сокращенное (действительно задуманное как обработка, а не как перевод) немецкое издание при поддержке профессора Турнвальда, которое за счет сокращений терминологии, композиции текста и предварительных замечаний доводит недостатки сочинения Сорокина до предела. Оно совершенно не учитывает немецкие потребности и дает искаженную картину именно немецкой социологии, что в оригинале проявляется совсем не так резко. Нет и следа учета моих обоснованных замечаний, объективность которых до некоторой степени убедила бы любого благожелательного и знающего читателя; наоборот, в предварительных замечаниях обработчика, господина доктора Ханса

* Фон Визе цитирует свое письмо Сорокину от 04.10.1929 и фразу из заключительного абзаца своей рецензии 1929 г., см.: *Wiese von L. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories*. New York, London: Harper & Brothers: Review, 1928 // *Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie*. 1929. Vol. 8. H. 1. – P. 115.

** Возможно, вы правы, что в связи со смешиванием социологии с другими науками в Германии целесообразно более четко очертить ее область.

*** См.: *Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия)*. Пер. и сост. А.К. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Ан-бур», 2021. – с. 20.

**** Ограничимся только этим (Примечание Л. фон Визе. – *Н. Г.*).

Касполя (Hans Kasspohl), майора в отставке, есть предложение отказаться от всякой надежды на понимание проделанной нами работы, тем более что он готов поверить любому, даже самому спорному высказыванию господина Сорокина.

Читатель, не знающий наш труд и лишь впервые знакомящийся с ним по данному историческому введению, получит об учении о социальных отношениях столь далекое от реального представление, что, мне кажется, больше не стоит соблюдать прежнюю сдержанность. Есть пределы молчания по миролюбию. Вред, который наносят такие опусы доверчивым новичкам, разрушительное действие, которое в данном случае неосмотрительно совершается, является столь гнусным, что нельзя в ответ на него лишь пожимать плечами, сидя у себя на кухне. При необходимости можно показать, что критика «формальной школы» в американском издании сносна, но в такой ее немецкой обработке из лучших побуждений и по неосведомленности допущены самые гротескные и нетерпимые искажения. В этот раз ограничусь лишь обсуждением того, что в главах VIII и IX утверждается относительно «социологической школы»; в отношении других предположительных школ позволю себе сослаться на вышеназванную рецензию. Невольно вынужден больше опираться на собственный опыт. Надеюсь, ясно, что не могу поступать иначе, и в свое оправдание, как сказано, должен указать на то, что воздерживался от этого «pro domo (для себя)», пока это было сносно.

В этом деле смешно и досадно то, что у несведущего читателя немецкого издания возникает впечатление, будто Сорокин категорически отвергает наше учение о социальных отношениях, которое представлено Касполем как направление, лучше всего демонстрирующее все недостатки «формальной социологии». Между социологией Сорокина (с энтузиазмом превозносимой в предварительных замечаниях) и нашим подходом создается максимально возможная пропасть. На самом деле Сорокин часто говорил обратное. Под давлением обстоятельств привожу отрывки из двух его писем, которые показывают, что он думает не так, как считает господин Касполь. 8 ноября 1928 г. он писал мне об исследованиях в области учения о социальных отношениях на своем семинаре: «This interest is due to our high estimation of your work in sociology. In spite of some differences in secondary matters of sociology I am very glad to state that all in all our understandings of the essential items, methods, and objectives of sociology are very similar and I can but be delighted with this. As Prof. C. Case rightly noticed in his paper about my book (Journal of Sociology and Social Research, November-December, 1928) the part of General Sociology which deals with the general and universal characteristics of social phenomena and their Classification (in my understanding) is almost identical with what you have given in your „Allgemeine Soziologie”».* Я так по-

* «Такой интерес вызван нашей высокой оценкой вашей работы в области социологии. Несмотря на некоторые различия во второстепенных вопросах социологии, очень рад констатировать, что в целом наше понимание основных предметов, методов и целей социологии весьма схоже, и я не могу не радоваться этому. Как справедливо заметил профессор К. Кейс в своей статье о моей книге (в журнале “Sociology and Social Research”, ноябрь-декабрь, 1928 г.), часть “Общей социологии”, посвященная общим и универсальным характеристикам социальных явлений и их классификации (в моем понимании), почти идентична тому, что вы дали в вашей “Allgemeine Soziologie”». (Довоенные письма Сорокина, поступившие Л. фон Визе, как выяснили немецкие историки, были уничтожены при англо-американских бомбардировках Лейпцига и сохранилась лишь в данном цитируемом виде).

нимаю, Сорокин подтверждает мнение профессора Кейса, считающего, что общее понимание социальных явлений и их классификация у нас почти идентичны.

20 октября 1929 г. он отвечает на уже указанное выше упоминание о наших разногласиях по поводу границ понятия социологии: «As to the discrepancy of our concept of sociology I do not regard it important in any way. As all means I would like to have a further development of sociology along the line of your conceptions and I would be equally glad to any important study in the field of the relationship between the non-social and social phenomena»*. Иначе говоря, это означает: «В любом случае хотелось бы, чтобы социология развивалась и дальше в направлении, которое соответствует вашему пониманию». Но достаточно прочесть только последний абзац его книги (в немецком издании стр. 270), чтобы осознать: то, что Сорокин называет «основным предметом социологии», лишь отдаленно напоминает наше понимание этого предмета. Сейчас все чаще приходится наблюдать, что некоторые авторы, научное становление которых еще только началось, противятся рассмотрению сущности социального так, как это следует делать, но затем, погрузившись в проблематику и оставив в стороне лишние увлечения и предубеждения, сближаются с нашей точкой зрения, однако, к сожалению, забывают отозвать свои поспешные первоначальные вердикты (например, Фрайер^{1*}).

Случай Сорокина кажется мне ясным (правда, господин Касполь не видит этого). Этому честолюбивому человеку, источающему жизненную силу, широчайшая научная область как раз подходит, чтобы порезвиться там. Ему нравится судить обо всех отраслях науки, быть экспертом во всем, заниматься социологией, чтобы возвыситься над всем человеческим зданием. Вот и появляются люди, укротители (Einenger) социологии, еще и требующие логически строгого мышления и точных методов! Таким людям нужно разъяснять нашу точку зрения; только пусть они не воображают себе, будто говорят что-то новое, и что вы, Сорокин, можете задавать нам рамки! Мы непременно должны вам ответить: пожалуйста, господин Сорокин, продолжайте и дальше все знать лучше всех – дело ваше; но немного придержите себя, когда судите о трудах других. Даже если мы, знающие вас, можем списать ваши явно неверные оценки на личностные качества, то затем приходят «касполи» (Kasspohls), которые воображают, будто Пифия вещает с их треножника.

Согласно Сорокину, существует «социологистическая школа», к ней в качестве подшколы относится «формальная социология», а уже к ней – «учение о социальных отношениях». Однако плеоназм «социологистическая школа в социологии» уместен, по-моему, в лучшем случае для Дюркгейма, который намеревался объяснять духовные явления только социальными фактами и взаимосвязями. Это утверждение Сорокин приписывает всем «социологистам», хотя, например, согласно теоретическим положениям нашего учения о социальных отношениях социальные явления объясняются частично психологическими, а частично – социальными фактами; психические явления – также частично психическими и частично социальными фактами.

* Перевод с английского на русский язык: «Что касается несовпадения наших концепций социологии, то я не считаю это сколько-нибудь важным. Всеми силами я желал бы дальнейшего развития социологии в русле ваших концепций и был бы рад любому важному исследованию о взаимосвязях несоциальных и социальных явлений».

Однако давайте обратимся к самой «формальной» школе. К ней якобы принадлежат в первую очередь Тённис, Штаммлер, Зиммель, Ришар, фон Визе, Фирканд, Литт, Бугле, частично Росс в его последних сочинениях, Р. Парк и Э. Берджесс. Нам общее*: «Четвертая основная разновидность социологической школы – формальная школа. Она поддерживает основные базовые принципы, согласно которым социальные взаимодействия и связи составляют сущность социальных явлений; далее надындивидуальное понимание социальной реальности; так же, как и объяснение индивида как продукта группы и объяснение социальных явлений, исходя из группы. Кроме того, она подчеркивает, что истинная задача социологии как отдельной науки состоит в исследовании форм социальных отношений. Она противопоставляет эти формы социальных связей их содержанию, которое исследуется другими социальными науками». Последний абзац этого раздела в переводе Касполя гласит: «Среди других выдающихся представителей школы и их трудов следует упомянуть А. Фиркандта и Л. Фон Визе. Работы Фиркандта – в направлении школы, но они менее формальны, чем у Фон Визе, “общая социология” которого может рассматриваться как особенно систематическое развитие социологических взглядов Зиммеля. Визе пытается, как и Зиммель, обосновать социологию как независимую науку. Как и Зиммель, он считает, что единственная возможность этого состоит в том, что социология воспринимается как наука о формах человеческих отношений или формах социальных процессов. Работа, в сущности, состоит в том, чтобы дать систематическую классификацию форм человеческих отношений. Систематичнее, чем кто-либо другой, Визе довел формальное понимание социологии до логического предела. Чтобы избежать смешивания “чистой социологии”*** с содержанием социальных отношений, он разорвал все связи между социальной формой и содержанием. Он пытается втиснуть громадную область человеческих отношений в классификацию, основанную на формальной логике. Этим объясняется, почему необходимо рассматривать книгу Визе как превалирующее выражение современных воззрений приверженцев Зиммеля. Поэтому она хорошо подходит для того, чтобы показать погрешности и недостатки формальной школы» (стр. 162). Однако последнее предложение у Сорокина гласит: «For this reason it may serve well to show the pluses and the minuses of the formal school***», т.е. все-таки плюсы и минусы; Господин Касполь бодро вычеркивает плюс (указанный во множественном числе) и делает из него в силу своей антипатии к предмету, которого он не понимает, «погрешности и недостатки». Расплывчатое представление о совершенно неизвестной ему системе, которая, по Сорокину, «доводит формальное понимание социологии до логического предела», является для него глубоко антипатичным, потому что в предисловии он пишет: «Многие социологические работы ограничиваются определением понятий и формальным теоретическим рассмотрением. Сорокин верно оценивает такие социологии как мало способствовавшие и мало способствующие действительному обогащению нашего знания в науке о творческих силах общества;

* Я специально цитирую здесь формулировку рецензируемого немецкого издания (Примечание Л. фон Визе – Н. Г.).

** Под чистой социологией понимается теоретическая социология.

*** Перевод с английского на русский язык: «Поэтому можно показать плюсы и минусы формальной школы».

они принимали преддверие социологии за ее собственное здание. Неудивительно, что вдумчивые люди отнеслись к ним негативно».

Подозреваю, что эти «вдумчивые» люди – как раз те, кто не спешит задумываться. Кроме того, мне неизвестны системы, ограниченные определением понятий и формальным теоретическим анализом. Если Касполь под этим подразумевает теорию социологии, как предполагаю по вышеназванной переделке текста, которую он свободно выполнил как его переработку, то могу лишь заявить: он заблуждается. Всякая понятийная система служит здесь лишь для верного и объективного понимания живой жизни. Она теснит нас как минимум с той же страстностью, что и Касполь, «к источникам социального», т. е. действительно проживаемой нами жизни, но мы видим, что цели не достичь без логической расчистки заросшего сорняками пути.

Теперь снова нечто весьма особенное. После последнего предложения со (скрытыми) «плюсами» и (дважды подчеркнутыми) «минусами» следует раздел «Критика». После такого заключительного предложения любой читатель ожидает, что теперь последует соответствующая уничтожающая критика моих разработок, но ничего подобного. Сорокин разбирается в основном с Зиммелем и Фиркандтом, в двух местах пишет о классификации социальных форм у Тённиса, Зиммеля, Фиркандта и фон Визе; в остальном – ни слова критики в адрес учения о социальных отношениях. Зато в третьем разделе есть два явно одобрительных замечания Сорокина, которые тесно сближают его собственный труд с моими разработками.

Продолжим. Сорокин вводит читателя в свою критику таким предложением: «Прежде чем обсуждать, что из претензий формальной школы является достоверным (valid), давайте сразу укажем на то, что является спорным (questionable)». Это предложение опять-таки удалено в немецком издании.

Для оценки сорокинской критики «формальной школы», усиленной германским обработчиком, который вычеркнул некоторые смягчающие места, следовало бы сначала выразить сильное сомнение в отношении причисленных к ней авторов. Однако оставим его, способного увести слишком далеко. Ограничусь лишь вопросом, относятся ли приведенные признаки «формальной школы» к учению о социальных отношениях:

1. Принятие надындивидуальной реальности и объяснение индивидуума как продукта группы: это почти забавно, что учению о социальных отношениях (по бездумной традиции) делается упрек как раз в противоположной ошибке – ошибке «индивидуализма». На самом деле мы всегда подчеркиваем одинаковую значимость индивидов и социальных образований. Мы ни в коем случае не считаем человека продуктом группы, а подчеркиваем личное и социальное Я. О нем мы, однако, говорим, что оно влияет на социальное образование так же, как социальное Я образуется этими коллективными силами.

2. Формальная школа и учение о социальных отношениях в ее составе не новы, а очень стары: на это замечание Сорокина мною уже дан ответ во втором томе «Общей социологии» (стр. 27 и последующие). (Не следовало ли все-таки дать краткую ссылку на этот ответ в немецком издании?) В основном речь идет о том, чтобы де-дуть классификации римского права, которой занимается Сорокин, исходя из совершенно других понятий – исходя из субъекта права. В остальном здесь нет ничего нового.

3. Форма и содержание межчеловеческих отношений нераздельны: об этом я уже много раз высказывался. Термины «форма» и «содержание» я всегда отвергал как нецелесообразные. Это связано с тем, что общечеловеческое, связанное с социальными отношениями (в качестве предмета общей социологии) может быть легко отделено от предметно-целесообразного (в качестве основного предмета других социальных наук и частичного предмета специальных социологий)*. В этом состоит основная мыслительная операция в любой реальной социологии. Тот, кто отрицает этот вид отделения, лишает свою науку права на существование.

4. Пункт, содержащий другую весьма существенную ошибку критика. У Сорокина–Касполя он означает следующее: «Если мы будем считать социологию наукой о формах человеческих отношений, то мы должны включать такие процессы, как отделение, сопротивление, конфликт и война, в ее область исследования. Если мы все-таки рассматриваем ее только как науку о социальных формах, тогда мы должны эти процессы, противостоящие социальным отношениям, исключать из области исследования. Для Зиммеля и многих его приверженцев такого различия обоих определений не существует. Они используют их попеременно, не пытаясь примирить. Это приводит к ряду случаев логической незавершенности и неясности в их теориях» (стр. 166). Таким образом, критик совершенно не знает, что мы не только включаем «отделение, сопротивление, конфликт и войну» в область нашего исследования, но и включаем процессы разъединения в тот же уровень, что и объединения, и так же подробно исследуем их. Он приписывает нам представление о «социальном», согласно которому лишь отношения второго типа являются социальными; или, кажется, он считает, что мы применяем это понятие то так, то эдак. Пусть он покажет хотя бы одно место в учении о социальных отношениях, где такое есть.

5. Данные формальной школы «перемешаны с данными биологии, антропологии, истории, психологии, государствоведения, экономики и так далее». В этом отношении следует сказать: не признается как раз строгая изоляция лишь межчеловеческого, как я пытаюсь провести ее в «Общей социологии». Чтобы не смешивать биологию с общей социологией, я исключаю из последней биосоциальные образования (расу, народ, род, семью). В отношении также точно выполненного отделения общей социологии от прочих выше перечисленных наук должен сослаться на мою статью в 4-м издании «Wörterbuch der Volkswirtschaft [Политэкономического словаря]», прежде всего на подробнее рассмотренное там связанное с этим разделение общей и специальных социологий.

6. Наконец, предложения Сорокина, которые объясняют, почему он, который в действительности в своих лучших работах стремится как раз к тому же, что и мы, с таким явным упорством противостоит нам (стр. 167): «Формальной школе не удалось создать социологию как “автономную и независимую науку” на основе различения категорий формы и содержания. Многие социологи, видимо, весьма озабочены созданием такой независимой социологии. С этой целью они пытаются предостеречь всех социологов от использования данных и материалов из других наук... В действительности нет такой науки (может быть, кроме математики и формальной

* См. об этом особенно мою статью «Wirtschaftssoziologie [Экономическая социология]» в 4-м издании Wörterbuch der Volkswirtschaft [Политэкономический словарь], которое появится, наверное, только в конце года (Примечание Л. фон Визе. – Н. Г.).

логики), которая является независимой и не смешанной с результатами других наук. Психология без данных биологии, анатомии и физиологии немыслима, равно как и любая важная разработка по политэкономии или государствоведению, не использующая психологию, биологию, историю, этику или даже философию. Более того, все особо важные работы в науках о культуре и в социальных науках и даже в биологии полны такими смешанными данными из разных других наук».

Никому не приходит в голову «мешать» другим авторам расширять свой круг задач. Далее и прежде всего – о заблуждении, на котором я подробнее останавливаюсь в уже названных местах: само собой разумеется, что понимаемое в самом узком смысле «социологистическое» учение об обществе использует результаты других наук, но только как материал. Ему нельзя лишь – и лишь в этом все дело – смешивать свою базовую постановку вопросов и методы с базовой проблематикой и методами других наук.

Однако достаточно. Мне весьма неприятно, что приходится с неизбежной тональностью правоты снова и снова догматично излагать давно изложенное. Остается лишь добавить, что мы не только якобы наметили программу, как, видимо, считает господин Касполь, а что мы изо дня в день ее реализуем. Можно было бы возразить, что нам не стоит делать столько шума из этого перевода. Однако не нужно упускать из виду, что эта книга как раз в немецком издании претендует на историю литературы по нашей науке и фактически могла бы заполнить этот пробел. Отсюда берут начало и кочуют по учебникам, пособиям и лекциям некорректные суждения, создающие туманную завесу из объективно неверных высказываний, которая со временем становится все гуще. В торопливой современности слишком много людей, которые скоры на слова «Так оно и есть!». То, что я требую, – это проверка. У господина Касполя, если уж он подает себя обработчиком, была прекрасная возможность проверить, обоснованна ли совершенно поверхностная критика его немецких земляков. Ему должно было бы броситься в глаза, что как раз у Тённиса, Зиммеля, Фиркандта и меня все должно быть сделано гораздо хуже, чем у Дюпреля^{2*}, Росса^{3*} и др. Вместо этого он сокращает и обесценивает все явно одобрительное в книге Сорокина (наверняка без злого умысла, а по опасному недомыслию всякого перевода). В конечном итоге упрек следовало бы принять, будь он справедливым. В определенном смысле было бы лучше, если бы аргументы Сорокина были устойчивее к встречной критике. Мы бы поучились на них и попробовали работать лучше. Однако изложенные здесь замечания пусты; их бездоказательность не оставляет ничего, кроме неприятия.

Мое очень настоятельное предупреждение относительно этой немецкой обработки можно было бы также обосновать на материале других глав, указав на сокращение часто неверно выбранных мест сочинения Сорокина (конечно, слишком большого и неоправданно расширенного). В других главах больше всего искажен Парето. Видно, что переводчик по возможности опускал трудные для него места. По-человечески это можно понять; но читатель, который хотел бы ознакомиться с Парето (наверняка впервые), остается здесь без должной поддержки.